

Двое из прошлого

Автор:

Евгений Сухов

Двое из прошлого

Евгений Сухов

Когда наконец была взломана дверь, то майор юстиции следователь Денис Панкратович Малыгин обнаружил, что в комнате все было разгромлено: расколотая посуда валялась на полу, столы были перевернуты, вещи разбросаны. Как будто бы кто-то чужой, вооружившись битой, ходил по комнате и крушил все подряд. В центре хаоса лежал мертвый хозяин с разбитой головой. Вот только дверь была заперта изнутри, окна закрыты. Что же с ним произошло? Дело с самого начала выглядело по меньшей мере странным. Выискивая возможных свидетелей, следователь Малыгин заглянул в котельную...

Евгений Сухов

Двое из прошлого

Часть первая

Наколка на тыльной стороне ладони

Глава 1. Муха в стакане

В одну из декабрьских суббот, когда российский обыватель, отобедав чем бог послал, тщетно боролся с дремотой или смотрел очередной сериал по Первому каналу, в котельной микрорайона Солдатская слобода города Сестринска вовсю кипела работа.

Трудились двое. Один, возраста среднего то бишь годов тридцати пяти простоватой наружности зачерпывал совковой лопатой уголь из кучи, разворачивался и ловко швырял его в топку чугунного водогрейного котла еще советского производства. Второй, летами постарше, заросший седоватой щетиной, катал туда-сюда по проходу одноколесную тележку с жестяным кузовом. С улицы привозил ее полную угля, высыпал в кучу, что была чуть наискосок топки и увозил пустую обратно на улицу, чтобы снова загрузить углем. Монотонная работа была, похоже, обоим мужчинам не особо в тягость. Работали они споро и молча, погруженные в собственные мысли. Лишь изредка истопники перекидывались парой фраз, для постороннего человека ничего не значащих и непонятных, типа: "Опять штыб[1 - Штыб – мелкий (измельченный) каменный уголь.] пошел" или "Снова шлакование[2 - Шлакование – процесс налипания расплавленной золы на трубы и защитные и теплоизоляционные покрытия котла во многом вследствие неравномерного помола угля.] будет большое, ломом херачить придется". Время от времени кочегар простоватой наружности брал длинную кочергу и шурудил ею в топке, после чего снова брался за лопату.

Так продолжалось с самого раннего утра. Наконец, где-то около часу пополудни мужчина среднего возраста и простоватой наружности бросил лопату, снял рукавицы, достал из-за пазухи тетрадочку, подошел к манометру и записал его показания. Затем сунул тетрадку обратно и крикнул в проход, что вел на улицу:

– Ахромей, завязывай давай! Война войной, а обед по расписанию.

– Щас! – раздалось в ответ.

По левую руку от водогрейного котла возле лежанки, застеленной лоскутным деревенским одеялом, находился старый письменный стол. Посередине его стоял пакет с цифрой "5" в наклоненном овале и надписью:

Пятёрочка

Самые близкие низкие цены

Покуда простоватый доставал из пакета хлеб, лоснящуюся загогулину полукопченой колбасы, пару яиц с коричневой скорлупой и полулитровую банку

крохотных соленых огурчиков под капроновой крышкой, вернулся тот, что был с проседью в щетине и летами постарше. Он вывалил уголь из кузова тележки в кучу, стряхнул на нее с ладоней брезентовые рукавицы и присел на лавку возле стола. Тем временем тот, что был помоложе, нарезал хлеб и выставил на стол бутылку водки.

– А! – ощерился Ахромей, обнажив две фиксы желтого металла, и на столе тотчас появились два граненых стакана.

– Что, из стаканов будем пить? – с некоторой долей сомнения спросил тот, что был помоложе.

– А из чего еще? – недоуменно произнес Ахромей. – Ну, если бы мы пили не водку, а, к примеру, мозельское, я бы организовал бокалы, – добавил он и ощерился еще больше: – Ну чо, Виталик, наливай!

Мужчина простоватой наружности кивнул, свернул у бутылки головку и налил каждому по полстакана.

– Ну что, начнем? – поднял он свой стакан.

– Давай, – ответил Ахромей и тоже поднял стакан.

Только теперь стало видно, что у него на двух нижних фалангах пальцев, указательном и среднем, наколоты перстеньки. На первом была изображена стрела с крылышками. Бывший зэк или опытный следак без сомненья определили бы, что наколка означает сентенцию "Сегодня здесь, а завтра там" и принадлежит, скорее всего, ширмачу-урке.[3 - Ширмач-урка – карманник-гастролер (жарг.).] На втором перстне был изображен черный крест с тремя лучами. Любой блатной[4 - Блатной – входящий в преступный мир (жарг.).] сходу бы определил, что обладатель такого перстенька уже трижды судим и по жизни является бродягой, то есть частым тюремным сидельцем, пользующимся уважением среди воров и блатных.

Выпили. Сладенько похрустели солеными огурчиками из банки. Виталик разломил загогулину колбасы пополам и принялся уминать ее с хлебом. По энергично работающим челюстям было видно, что отсутствием аппетита он не страдал. Откусил от своей половины колбасы и Ахромей. Неспешно пожевал,

поглядывая на огонь в топке, и в его темных зрачках запрыгали язычки пламени.

Справившись со своей частью колбасы, Виталик долил по стаканам водку. Мужики молча чокнулись и выпили водку в два больших глотка. Виталик принялся за яйцо, а Ахромей, не успев закусить, вдруг резко зачерпнул ладонью воздух, после чего сжал кулак и приложил его к уху. Через несколько секунд он поднес кулак к уху Виталика:

– Слышишь?

Виталик прислонил ухо к кулаку и услышал приглушенное жужжание.

– То, что надо, – заключил Ахромей и поднес кулак к стакану, другой рукой взялся за него. – Eins, zwei, drei,[5 - Один, два, три (нем.).] – отсчитал он и одновременно разжал кулак и приподнял стакан. Из кулака вылетела серая комнатная муха, Ахромей резко опустил стакан, и муха оказалась внутри него.

Какое-то время оба истопника-кочегара молча и с большим интересом смотрели на то, как муха жужжит и бьется о стенки опрокинутого кверху дном стакана своей плоской большеглазой башкой. Как будто это была не обычная комнатная муха в стакане, а какой-нибудь гаитянский щелезуб или суматранская бородатая свинья. Затем Ахромей отвернулся, хрустнул огурцом, полез в карман выдавшей виды телогрейки и достал из него колоду карт с фотографическими изображениями голых девок. Картишки эти, судя по их замусоленному виду, скрасили не одну ноченьку многим изнывающим по женскому полу арестантам и продолжали бы скрашивать, не прихвати их Ахромей, верно, по чистой случайности.

– Ну что, сыграем? – предложил товарищу Ахромей и начал быстро тасовать колоду, время от времени обнажая на левом запястье наколку на нерусском языке: "Finis coronat opus".[6 - "Конец венчает дело" (лат.).]

– Сыграем! – охотно согласился Виталик.

Перемешав колоду, Ахромей выровнял ее и выложил на стол вверх рубашкой:

– Сними.

Виталик поднял где-то около половины колоды и положил ее на стол, а стопку оставшихся карт положил сверху.

Играли в буру, как обычно в подобных случаях. Три партии. Сначала по взяткам выиграл Ахромей, набрав сорок два очка. Потом Виталику пришла "молодка", [7 - "Молодка" – при игре в "буру" это три карты одной не козырной масти.] и в конечном результате за ним и осталась партия. А в третьей игре ему пришли сначала козырные шестерка и семерка, а после кона, где он сбросил ненужную масть, еще и козырная дама.

– "Бура", – гордо объявил Виталик и выложил три козыря.

– "Москва", – выдержав небольшую паузу, произнес Ахромей и с понтом выложил на стол три туза с козырным.

Какое-то время оба игрока смотрели на козырного туза – карту с изображением смазливой девицы в одних сетчатых чулочках и туфельках на шпильках, стоящей в позе буквы "Г" и держащей в руках знак бубновой масти. Потом изображение на фотографии затуманилось, поплыло, и через несколько секунд на двух мужиков в кочегарке смотрело слегка одутловатое лицо мужчины с невыразительными глазами, тонкими губами и небольшой родинкой на правой щеке, говорящей о том, что ее носитель человек темпераментный, весьма раздражительный и крайне несдержанный в проявлениях чувств.

Ахромей и Виталик переглянулись. При этом последний пожал плечами, мол, так легла карта, и поделаться уже ничего нельзя...

Ахромей кивнул и приподнял стакан с мухой. Та на мгновение замерла, затем почистила крылышки и резко взяла старт. Сделав круг над мужиками, она исчезла, будто ее здесь никогда не было.

А и то: откуда мухе взяться в кочегарке? Пожиться-то, кроме уголька, нечем...

Глава 2. Убить муху

Василий Степанович Онищенко по субботам просыпался, как и многие горожане, позже обычного. На работу не идти, дел, не терпящих отлагательств, вроде бы не наблюдается, так чего ради вставать ни свет ни заря в выходной день?

По правде сказать, проснулся Онищенко для субботнего дня не очень поздно, около девяти утра. Но дал себе некоторую поблажку, вставать сразу не стал и провалялся в полудреме еще не меньше часа, пытаясь досмотреть сон, приснившийся ему под утро. А снилась Василию Степановичу какая-то чепуха наподобие фантастического фильма, где главным героем являлся он сам. И проснулся он на самом интересном месте: надевая свой праздничный костюм, дабы отправиться в мэрию, куда его пригласили по какому-то важному делу, он подошел к зеркалу и начал в него смотреться, что-то поправляя и приглаживая в одежде. Однако его отражение вдруг не стало повторять его жестов и движений одновременно с ним. Сей казус невероятно удивил и одновременно озадачил. Пытаясь сделать так, чтобы отражение стало двигаться в такт его движениям и жестам, он их замедлил, как это иногда показывают в кино, однако его отражение все равно и двигалось, и жестикулировало как-то иначе. А потом зеркало неожиданно потемнело и вовсе перестало его отражать. Несколько предпринятых попыток досмотреть сон и узнать, что такое случилось с его зеркалом, что оно перестало исполнять свою основную функцию, ни к чему не привели. И когда часы показали без двух минут десять, Онищенко потянулся, открыл глаза и встал с дивана.

Увиденный сон все еще не давал ему покоя. Поэтому встав, Онищенко первым делом прошел в прихожую и посмотрелся в зеркало. Увидев в нем себя, он скривил лицо. Его отражение сделало это одновременно с ним. Никаких ложных эффектов. Он выпучил глаза и высунул язык, и его отражение одновременно исполнило то же самое. Василий Степанович усмехнулся – сон есть сон, чего с него взять? – и пошел в туалет...

По случаю субботы предстояла уборка квартиры. Впрочем, как всегда. Это только недалекие умом женщины полагают, что если мужик в квартире один, то живет он в ней, как в свинарнике. Увы, Надежда Петровна, Марья Степановна и прочие, думающие именно так. Не знаете вы реалий жизни. Да и откуда вам их знать, коли мыслите вы однобоко и скудно. У заядлых холостяков в домах и квартирах зачастую как раз все чистенько и аккуратно. И все вещи на месте, конкретно определенном для них хозяином. Поскольку кладет он их туда, откуда взял. И если кое-какие из вещей вроде бы лежат, где попало, так это только на первый взгляд. На самом деле они лежат так специально. Чтобы

быстро найтись или быть всегда под рукой.

Уборку своей однокомнатной квартиры Онищенко начинал всегда с включения пылесоса. Сначала он чистил диван и кресло. Потом ковер на полу и коврик в прихожей. Затем весь остальной пол. После чего мыл его шваброй, часто меняя воду и выжимая тряпку вручную. Все это делалось не торопясь и весьма основательно, как оно обычно и бывает, когда никто не стоит над душой и не торопит.

Пыль вытиралась влажной тряпкой, которую Василий Степанович не ленился часто ополаскивать и тщательно выжимать. Когда он дошел до широкого подоконника на кухне, то прямо посередине его увидел небольшую серую муху. Она лежала кверху лапками и казалась неживой. Было непонятно, откуда она тут взялась. Ведь еще минут пять назад, когда Онищенко проходил мимо окна, подоконник был абсолютно чист.

Василий Степанович протянул руку, чтобы взять мертвую муху и выбросить в мусорное ведро под раковиной. Но только он вытянул пальцы щепотью и поднес к мухе, как она энергично дернула лапками, резко перевернулась со спины на брюшко и стремительно отлетела в сторону. Так что ухватил Онищенко щепотью уже пустоту.

– Черт! – следя взглядом и пытаясь не упустить муху из вида, выругался Василий Степанович. Хотя особо удивляться тому, что муха ожила зимой, не было никакого резона, ибо такое нередко случается в потеплении. А сегодня как раз прояснилось и выглянуло солнышко.

Муха тем временем села на стену и стала демонстративно чистить лапки. Затем задними лапками начала вычищать крылья и ловко расправлять их по всей длине туловища. Так, приводя себя в порядок, она словно готовилась к чему-то ответственному и важному.

Василий Степанович медленно подошел к стене и завел руку с тряпкой, чтобы прихлопнуть ею муху. Та перестала гладить крылышки и слегка присела, явно почувствовав угрозу и приготовившись взлететь. И в самый последний момент, когда тряпка вот-вот должна была войти в соприкосновение с мухой, та с быстротой молнии вылетела из-под тряпки и, сделав под потолком круг, покинула кухню.

Василию Степановичу стало не до протирания пыли. Первостепенной задачей сделалось для него уничтожить гадскую муху. Мало того, что она летала, где ей вздумается, словно была хозяйкой на собственной территории, по праву ей принадлежавшей, так она еще препротивно жужжала. А еще муха раздражала одним своим существованием.

Онищенко прошел в комнату и выдвинул один из нижних ящиков стенки. На самом его дне, среди аквариумных сачков, вязальных спиц, мотков лески и прочего залежавшегося барахла, которое давно надлежало выбросить, лежала по диагонали резиновая хлопушка-мухобойка на длинной деревянной ручке. Василий Степанович взял ее и, представив, что муха сидит на дверце стенки, резко и неслабо хлопнул по ней. Раздался громкий смачный хлопок. Если бы, и правда, под удар попала муха, от нее осталось бы одно красноватое мокрое место. И растертые в порошок крылышки. Однако ничего такого не произошло. Муха была цела, а с потолка упало несколько крошек белил.

Онищенко злорадно усмехнулся и стал выискивать муху взглядом. Но ее нигде не было видно. Насекомое, очевидно, почувствовала, что в руках гонявшего ее тряпкой человека появилось опасное для нее оружие и где-то затаилась...

Иной человек на месте Василия Степановича плюнул бы на муху, тем более что она перестала докучать. Занялся бы обычными субботними делами, а то и просто бы побездельничал с модным журнальчиком в руках. Но Василий Онищенко был человеком иного склада характера. Он привык всегда доводить любое начатое дело до конца. К тому же он чувствовал себя уязвленным тем, что какое-то насекомое ведет себя до наглости по-хозяйски в его, Василия Степановича, квартире. Будто хозяин в ней не он один, а еще какое-то дерзкое членистоногое, распоряжающееся в квартире как у себя дома. Поэтому он прошел в ванную и принес большое полотенце, предварительно намочив его водой для убойности. Взяв один его конец в руку, Онищенко принялся размахивать полотенцем по комнате, пытаясь выгнать муху с потайного места на оперативный простор. Получилось это у него не сразу. Изрядно помахав полотенцем и даже где-то подустав, Василий Степанович уже был готов оставить никчемную затею, как вдруг взор его опустился на пол. И он увидел проклятушую муху. Зловредное насекомое что-то всасывала с полу своим хоботком и, заметив (или, скорее, почувствовав), что ее обнаружили, энергично и резко, рывками заскользила по полу, быстро перебирая лапками и на мгновение останавливаясь, словно выбирая нужное направление.

Василий Степанович медленно и сдерживая дыхание присел на корточки, занес над головой мухобойку и, дождавшись, когда муха в очередной раз остановится, врезал от души! Резиновая плашка хлопнушки звучно шлепнула по пустому полу. Да что же это такое делается, опять мимо... Вернее, муха успела среагировать быстрее, чем он двигал рукой и резко отпрыгнула вперед. Онищенко снова занес мухобойку. Муха вновь настороженно остановилась. Василий Степанович уже без замаха резко опустил кисть руки. Резиновая хлопнушка смачно шлепнула о голый пол, – муха опять ловко увернулась от удара в самый последний момент. Заметив, что насекомое спасается от ударов в одну сторону, Онищенко решил сыграть на опережение и, занеся мухобойку над сидящей на полу мухой, резко опустил ее в нескольких сантиметрах впереди. Однако на сей раз муха осталась на месте, будто просчитав коварный план Василия Степановича. Поведение мухи было сродни ситуации, когда кто-то осыпает другого ругательствами, а тот, другой, спокойно молчит и лишь изредка улыбается, не проявляя никаких признаков волнения, чем доводит оппонента до белого каления.

– Вот ведь, сука эдакая! – не сдержался Василий Степанович и с полминуты сыпал нецензурной площадной бранью, услышать которую из уст Онищенко пока что никому не удавалось. После такого выпуска пара слегка отпустило. В это время муха покинула насиженный пол и уселась на подлокотник кресла. Василий Степанович недолго думая, с силой шлепнул по нему мухобойкой. И все же удар получился с опозданием на сколько-то там долей секунды, за которые сволочная муха успела выскочить из опасной зоны. Покружив над потолком с препротивным жужжанием, злобное двукрылое снова опустилось на кресло, как бы испытывая своего оппонента на терпение. Василий Онищенко снова ударил по кожаной обивке резиновой хлопнушкой. Муха, проявив невиданную расторопность, успела увернуться от удара и стала беспосадочно летать под потолком сначала комнаты, потом кухни, затем прихожей и снова кухни, часто и внезапно меняя одно направление на сугубо противоположное.

«Может, мне надо просто выгнать ее из квартиры?» – подумалось Василию Степановичу. Он снова взял полотенце, открыл входную дверь квартиры и начал выгонять муху из кухни в прихожую. Это ему не сразу, но удалось. Затем он стал махать полотенцем в прихожей, пытаясь прогнать муху в коридор лестничной площадки, после чего закрыть за нею дверь. Махал энергично и долго. Даже вспотел. Один раз муха даже вылетела из квартиры, но Онищенко не успел захлопнуть за ней дверь. И она вернулась, а вслед за ней в квартиру влетела еще одна. Большая, черная, жирная и шумная, похожая на тяжелый бомбардировщик.

Жирная муха, не смотря на кажущуюся неповоротливость, тоже была хитрой и верткой. Однако не настолько искусная, чтобы стремительно вылетать из-под удара резиновой хлопушки. Когда Василий Степанович поднял ее в очередной раз, то с некоторым чувством злорадства увидел, что черная муха была припечатана к резиновой плашке мухобойки намертво.

Онищенко сходил в уборную, куском туалетной бумаги стер с хлопушки остатки жирной мухи в унитаз и смыл. А когда вернулся к месту гибели черной мухи, заметил, что возле него уныло сидит прежняя серая бесхребетная тварь и будто скорбит по убитой мухе.

– А ты ж, твою мать, – снова выругался Онищенко и резко опустил хлопушку на место, где сидела серая муха. И опять она избежала смертельного удара, бросившись вбок и взмыв к потолку, как легкий маневренный истребитель.

Боролся Василий Степанович с мухой едва не до глубокой ночи. Гонялся за ней по всей квартире, стиснув зубы и впустую колотил мухобойкой. Вконец обессилил, забыл про ужин и про все прочие приятные мероприятия, которые запланировал на субботний день. Однако решил биться с членистоногой бестией до победного конца. Таков уж у него был характер...

В первом часу Василий Степанович присел на диван малость передохнуть. Так однажды было с ним, когда он сдавал в школе зачет по физкультуре: бег на полтора километра. Тогда он выжал из себя все до последней капли. И добежал, уложившись в норматив, только на одних волевых качествах, поскольку сил не осталось. А когда добежал, то упал за финишной чертой на дорожку и минуты полторы-две хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыбина. После чего с трудом поднялся и поплелся прочь со стадиона, не разбирая дороги...

Усевшись на диван, Василий Степанович откинулся на спинку, прикрыл глаза да так и уснул, сидючи. Потом уж, во сне, улегся, не раздеваясь. И проспал до самого утра.

Глава 3. Что бывает, если вовремя не остановится

Когда Онищенко открыл глаза, было уже десять часов утра. Не сохраняя состояние полудремы еще в течение пяти-семи минут и не потягиваясь еще с

полминуты, что обычно проделывалось каждое утро, чтобы как-то привести тело в тонус, Василий Степанович встал и первым делом огляделся. Потом прошел на кухню, заглянул в прихожую и даже ванную, – мухи нигде не было. Хмыкнув, стал приводить себя в порядок: посидел в туалете, затем почистил в ванной зубы, помылся, после чего прошел на кухню и стал готовить себе глазунью из двух яиц, разбивая яйца и заливая их на сковородку аккуратно, дабы не повредить желток (запекшиеся, они как-то получше будут).

Сняв глазунью с огня, Василий Степанович поставил ее на стол, предварительно подложив разделочную досочку. И только собрался начать завтракать, как зазвонил домашний телефон.

Онищенко отложил вилку, нехотя встал и прошел в комнату.

– Да, – снял он телефонную трубку.

– Позовите Наташу, – попросил чей-то вкрадчивый голос.

– Вы ошиблись номером, такая здесь не проживает, – недовольно буркнул Василий Степанович и положил трубку. А когда вернулся на кухню, то увидел вчерашнюю серую муху. Она сидела на глазунье и тыкала своим хоботком в мягкий желток. Похоже, она его лизала или даже пыталась откусить...

Мало сказать, что Онищенко разозлился. Неполным будет назвать его состояние и простым остервенением. А вот то, что Василий Степанович впал в ярость, граничащую с безумством, это будет в самый раз.

Взревев, он хватил по сковородке первым, что попало ему под руку. Это оказалась большая чайная кружка с надписью «ВАСЯ». Муха неторопливо вылетела в комнату, а кружка же разбилась вдребезги, брызнув малыми и большими осколками в стороны.

Онищенко схватил хлопушку-мухобойку и стал остервенело гоняться за мухой, сметая все на своем пути. Он опрокинул журнальный столик возле кресла, умудрился оторвать дверцу у тумбочки и повалил этажерку с книгами. В прихожей он в замахе ударил локтем по вешалке, и та, нелепо скособочившись, осталась висеть на одном гнущем гвозде. А в ванной его угораздило разбить огромное зеркало, и оно рассыпалось на пол длинными тонкими осколками,

похожими на испанские стилеты или зековские заточки.

Василий Степанович гонялся за мухой час, другой, третий. В голове не осталось иных мыслей, кроме немилосердной: убить это мерзкое зловердное двукрылое. Раздавить. Расплющить! Все остальное поблекло, отошло на второй план, стало незначительным и мелким, даже то, что скоро должна была прийти Маргарита. Это была давняя любовница Василия Степановича. Она приходила к Онищенко во воскресеньям во второй половине дня и оставалась у него до позднего вечера. Они пили вино, болтали о разных приятных пустяках, после чего ложились на диван и после минутной прелюдии предавались неистовой любви с большой долей неумной животной страсти. Потом, плотно и неспешно поужинав, снова ложились на диван и любили уже не торопясь, с чувством, толком и расстановкой, растягивая процесс прелюдии нередко до получаса и более и всецело наслаждаясь происходящим процессом. По завершении всех этих воскресных мероприятий, Василий Степанович вызывал по телефону такси, и Маргарита уезжала, поцеловав его перед этим в дверях. Онищенко в ответ говорил дежурную фразу:

– Позвони, как приедешь.

Что означало ни что иное, как проявление заботы. После чего Василий Степанович ложился спать весьма умиротворенный...

Сегодня же ни о какой умиротворенности не могло быть и речи. Все смешалось и перепуталось. Это как рыбацья сеть. Вроде бы распутал в одном месте, а узелок уже завязался в другом. Мерзостная муха словно издевалась над Василием Степановичем, изводя его тем, что после удара хлопушкой просто быстро переходила с места на место, даже не пытаясь взлететь. И в ожидании нового удара нагло потирала передними лапками словно в предвкушении совершить следующую пакость и вызвать у Онищенко очередной всплеск безудержной ярости.

В какой-то момент после очередного неудачного удара хлопушкой, Василию Степановичу вдруг подумалось, вернее, он услышал внутренний голос, который спросил: а не пора ли остановиться, плюнуть на эту чертову муху и не раздувать из нее слона, то бишь судьбоносную проблему, которую надлежит непременно разрешить. В конце концов на улице зима, и она сама скоро «двинет копытами», то бишь всеми своими шестью конечностями, ведь комнатные мухи живут всего-то недели три. И нет никакого основания тратить на битву с ней вот уже второй

выходной день подряд. Внутренний голос высказался коротко и как-то растерянно примолк. Вернее, Василий Степанович не позволил ему развивать свою мысль и приводить весомые аргументы в пользу своих рассуждений, просто где-то в самой середине груди отыскал небольшой тумблерок и установил его в положение "выкл.". И скоро забыл о том, что ему советовал внутренний голос. Поскольку открылась удобная позиция для удара хлопнушкой. Увы, опять мимо...

В одну из очередных вспышек неумолимой ярости, когда муха уселась под самым потолком кухни и как обычно стала потирать передними лапками в предвкушении очередной пакости, Онищенко взобрался на разделочный стол и, придерживаясь одной рукой за настенный посудный шкаф, размахнулся для удара. Но тут крепления шкафа не выдержали нагрузки и вырвались из стены с большим куском штукатурки. Вместе со шкафом Василий Степанович стал падать. Он было вытянул руку в надежде зацепиться за оконный карниз для штор, но, увы, не дотянулся до него самую малость и через мгновение со всего размаха ударился виском об угол старой газовой плиты...

Онищенко упал на спину между плитой и холодильником.

Какое-то время он еще жил, жадно хватая немеющими губами воздух, а потом тихо умер. Муха, покружив над трупом, улетела.

Глава 4. Случайное знакомство

Маргарите Геннадьевне Ступишиной недавно стукнуло тридцать семь. Возраст, надо прямо сказать, не девичий. И пора что-то менять в своей жизни давно наступила. Только вот что-либо поменять не представлялось покуда возможным.

Ступишина никогда не была замужем. Нет, видимыми изъянами она не страдала. Да и невидимыми – тоже. Ей дважды предлагалось выйти замуж. Первый раз, когда ей было девятнадцать лет. Возраст самый желанный для мужчин, поскольку к этому времени подростковая угловатость у девушек уже сошла на нет, телесные формы приобрели приятную на взгляд и ощупь женственную округлость, однако до рыхлости и мягкости там, где должно быть твердо и упруго, было еще далеко.

Первый претендент, предложивший Маргарите руку, был грузин, ему было тридцать два года. Но Ступишина отказала. Дело было вовсе не в разнице в возрасте. Наоборот, время, когда выходили замуж и женились на своих одноклассниках или на год старше или младше сугубо по внеземной любви, давно кануло в лету. Вместе со страной под названием Советский Союз. Напротив, в нынешнее время девицы уже выискивали кого постарше, чтобы те крепко стояли на ногах, чтобы непременно были успешны и богаты. Чтобы имелись большая квартира в центре и загородный дом, желательно с прислугой. Чтобы никогда не заканчивались деньги на карманные расходы, а лучше, чтобы было нечто вроде неограниченного кредита, каковым можно было бы пользоваться по своему усмотрению, не опасаясь, что он когда-нибудь иссякнет... Чтобы по первому же капризу организовывались всякие «шоппинги и факинги». И чтобы как минимум два раза в год имелась возможность выезжать за границу отдыхать. В Турцию, к примеру, Египет или Объединенные Арабские Эмираты. А еще лучше на Багамские Острова или Мальдивы.

Дело было в том, что грузин, сделавший Маргарите предложение, был какой-то ненастоящий. Нетипичный, если быть точнее. Грузинского в нем было лишь нос с заметной горбинкой, черные усы да страшный акцент. И на этом все благополучно завершалось. Ни денег, ни связей у него не имелось. Не было квартиры в центре, загородного дома с прислугой и прочего, о чем так мечталось. Не было бизнеса в виде какого-нибудь небольшого ресторанчика с восточной кухней или хотя бы завалящей придорожной шашлычной под названием: «Ай шашлык». Наоборот. Грузин работал на Сестринском молокозаводе простым диспетчером, доли собственности на предприятии не получил, равно как и каких-либо прочих перспектив. К тому же чувств, таких, чтобы с головой да в омут, у Ступишиной к грузину отнюдь не имелось. Посему поваландавшись с грузином пару месяцев с небольшим и получив от него предложение выйти замуж, Маргарита, ни минуты не сомневаясь, сказала «давай останемся друзьями». После чего прекратила с ним спать. Через несколько дней они перестали созваниваться, а через неделю все как-то само собой рассосалось.

Второе предложение руки и сердца поступило, когда Маргарите Геннадьевне стукнуло двадцать восемь полных годков. Претендент в мужья был какой-то неопределенной национальности, но точно не русский. И имел за плечами, ни много ни мало, шестьдесят семь лет. У него не столь давно безвременно умерла жена, и он подыскивал ей замену, конечно, много моложе бывшей супруги. Как известно, дедушки любят молоденьких. Чтоб не более тридцати. И чем старше дедушки, тем более молоденьких девиц им подавай. Хотя будучи юношами как

раз засматривались на тридцатилетних...

Этот шестидесятисемилетний дедушка был чудовищно пузат, плешив на всю голову и совершенно не имел никаких намеков на привлекательность, пусть и былую. Зато он владел заводом по производству мясных паштетов «Добрыня»; шоколадной фабрикой «Сластена»; двумя ресторанами с русской и европейской кухнями; сетью кафе «Фредо» и даже газетой «Сестринские ведомости», которая в ранние советские времена звалась «Красный пахарь». Еще у него были «мерс» за четыре с половиной лимона, яхта последнего семейства «Fairline» и пятикомнатная квартира в Москве на Арбате в Романовом переулке. Так что возраст и внешние данные дедушки вполне компенсировались его возможностями и толстой мощью. Она же примиряла Маргариту с его выкрутасами в постели, причем некоторые из них вводили ее, не шибко стеснительную и отнюдь не озабоченную моралью, в краску...

Когда владелец заводов, газет, пароходов предложил Маргарите выйти за него замуж, она сделала глупость. Вместо того, чтобы немедленно дать согласие и тотчас повести дедушку под венец, она вытребовала себе три дня на раздумье. Точнее, хотела показать ему, что она не какая-нибудь там легкомысленная охотница за богатыми женихами, а вполне себе скромная и порядочная девушка, ставящая духовное выше материального.

– Хорошо, – ответил на это владелец заводов, газет, пароходов и объявил, что тогда уезжает на три дня по каким-то неотложным делам в Москву. А когда вернется, надеется, дескать, услышать на свое предложение исключительно положительный ответ.

И уехал...

Маргарита Ступишина тотчас раззвонила всем своим подругам, что выходит замуж за богатого папика, чем вызвала у четырех подруг из пяти зубовой скрежет и острейшую черную зависть. То ли кто сглазил ее «внеземное счастье», то ли судьба сама так распорядилась, однако дедушка из Москвы не вернулся. Точнее, вернулся, но не в поезде или автомобиле, а в богатом полированном гробу из соснового массива.

Похоронили его на Покровском кладбище, положив в одну ограду рядом с безвременно усопшей супругой. Провожало дедушку много народа, кто-то из

друзей его сказал о нем речь. Мол, был он человеком достойным своего времени, и память о нем не угаснет...

Маргарита стояла в сторонке, поскольку никто из многочисленной родни дедушки ее не признавал, а те немногие, с которыми она была знакома, безо всякого стеснения делали вид, что ее не замечают. Стояла горемычной, нацепив черные очки, и не могла поверить, что счастье, которое было почти в руках, улетело расторопным журавлем в небо. Растворилось в высоких белесых облаках, не оставив даже следа. Пузатый и плешивый дедушка был единственным и неповторимым шансом иметь возможность не выживать, но жить по-человечески. И этот шанс был безвозвратно упущен. В чем виновата была лишь она одна.

На поминки она не поехала. Да и не приглашал ее никто...

Далее потекли дни, недели, месяцы и годы, столь однообразные и похожие один на другой, что если оглянуться назад и что-либо припомнить, то особо ничего и не вспомнится. Да и чего тут вспоминать? Дом-работа, работа-дом. Все как-то по кругу и вырваться из этого цикла не представлялось возможности. Нечастые мужчины (многие из которых были женатыми), у большинства из которых Ступишина не помнила даже лиц, приходили и уходили, не доставляя ни особой радости и не вызывая желания продолжить хотя бы дружеские отношения.

Два года назад Маргарита Геннадьевна познакомилась с Василием Онищенко. Случайно, можно сказать. Хотя ничего случайного – а Маргарита Ступишина в силу возраста и приобретенного жизненного опыта уже знала это – в жизни не бывает. И если что-то происходит значительное, стало быть, оно было каким-то образом предопределено...

Смешно вспоминать, но они буквально столкнулись друг с другом у входа в супермаркет «Перекресток», что на улице Солдатской. Маргарита Геннадьевна выходила из магазина, задумавшись о чем-то возвышенном, и натурально врезалась в Василия Степановича, который от неожиданности, как-то ойкнул совсем по-ребячьи и невольно отступил на два шага. Если бы так столкнулись на трассе два автомобиля, то виновником дорожно-транспортного происшествия была бы несомненно Ступишина.

– Простите, пожалуйста, – произнесла, остановившись, Маргарита Геннадьевна.

– Да ничего страшного, – смущенно ответил Онищенко, с некоторым интересом разглядывая женщину с двумя котомками.

– Я не нарочно, – почему-то посчитала нужным сообщить Ступишина.

– Я понимаю... и ни в чем вас не виню, – кивнул Василий Степанович. И добавил неожиданно напористо: – Позвольте я вам помогу? Ведь тяжело же!

Маргарита Ступишина пожала плечами и передала одну котомку мужчине, как-то невольно подумав задним умом: «Надеюсь не сбежит. Плакал тогда кусок краковской колбасы с двумя банками зелёного горошка и малосольными огурцами». При этом она бросила на него короткий, но внимательный взгляд и заключила, что ему где-то сорок с небольшим. Судя по внешности (сюда входил приличный, но недорогой костюм и приятный парфюм) – руководитель среднего звена, очевидно, считал занимаемую должность потолком, что его вполне устраивало. Возможно, он работает в какой-нибудь фирме начальником отдела или группы. Фигура для его возраста вполне в порядке, наверное, и все остальное тоже – незаметно скользнула она взглядом по низу живота. А вот лицо... Какое-то оно одутловатое. Глаза совсем невыразительные, как у селедки, лежащей на прилавке. Тонкие губы... Как если бы их не было вовсе. Если бы не кокетливая родинка на правой щеке, оживлявшая весь его закостенелый облик, лицо было бы совсем неинтересным.

– Да давайте обе...

– Что? – спросила Маргарита Геннадьевна, продолжавшая пребывать в «девичьих» грезах.

– Я говорю: давайте я понесу оба пакета, – с легкой улыбкой повторил свое предложение Василий Онищенко.

– Да нет, хватит с вас и одного, – полушутя ответила Ступишина.

Они спустились со входных ступеней.

– Понимаю... Возможно, на вашем месте я бы тоже не доверил все покупки постороннему человеку, – продолжал улыбаться мужчина. – А вдруг сбежит!

Это была еще не искра, но какой-то дымом между ними уже закружил.

– Скажете тоже...

– Куда идем? – поинтересовался Василий Степанович.

– Недалеко, на Генерала Панфилова, – последовал ответ.

– А я живу здесь, на Солдатской, – поведал Онищенко, дабы хоть как-то поддержать разговор.

– Соседи, значит, – ответила Маргарита.

Они молча прошли Луговую и Колхозную улицы и вышли на Пролетарскую. Назревала необходимость о чем-то поговорить, поскольку молчание становилось неловким для обоих. Наконец Василий Степанович, подпустив в голос игривый тон, промолвил:

– Чего ж это вы с такими большими котомками одна ходите? Помочь, что-ли, некому?

– Некому, – кокетливо подпустив в голос нотки сожаления, украдкой глянула на Онищенко Маргарита Геннадьевна.

– А муж? – как бы ненароком поинтересовался Василий Степанович, хотя уже догадывался, что никакого мужа у гражданки с двумя котомками не имеется.

– Объялся груш, – озорно произнесла Маргарита.

– Что же вы его так не уберегли? – весьма серьезно поинтересовался новый знакомый.

– Поберегла, если бы был... Да нет у меня мужа, – ответила Ступишина, полагая, что сейчас мужчина с родинкой на щеке непременно станет напрашиваться к ней домой, намекая, что неплохо бы попить кофейку или чаю. Как в знак благодарности за помощь. Однако Василий Онищенко промолчал. Дойдя до ее дома, он не стал предлагать донести котомку до двери квартиры. И когда

Маргарита Геннадьевна, поблагодарив, протянула руку, чтобы забрать свой пакет, он передал его без всяческой заминки.

– Спасибо вам еще раз, – произнесла Ступишина и раскрыла подъездную дверь.

– В какой, вы сказали, живете квартире? – неожиданно спросил Василий Онищенко.

«А я и не говорила, в какой квартире живу», – хотела было ответить Маргарита, но что-то ее удержало. Наверное то, что на данный момент у нее не было никого. В смысле мужчины. Да что там на данный момент, – мужчины у нее не было уже давно, а разные там желания имелись и время от времени не давали покоя...

«Ишь, как завернул хитро», – подумала она, взглянув на Онищенко уже с нескрываемым интересом. И ответила:

– В двадцать восьмой. Это на третьем этаже направо, – добавила она и вошла в подъезд.

Новый знакомый пришел в субботу на следующей неделе. С полным джентльменским набором: цветами, бутылкой шампанского и коробкой шоколадных конфет.

– Можно?

– Да, проходите, – ответила Маргарита Геннадьевна и отступила от двери, давая гостю войти.

Ступишина жила в двухкомнатной квартире пятиэтажной панельки-хрущевки, на первом этаже которой расположились два магазина: овощной и парфюмерный. Одну из смежных комнат, что побольше, занимала она, а другую, дальнюю, старушка-мама, наличие которой в квартире заставило Онищенко сконфуженно улыбнуться. Планы были далеко идущие, а тут приходится с галопа переходить на шаг.

Когда разместились за столом, Василий Степанович все время поглядывал на дверь, за которой была комната старушки-мамы.

– А что вы все оглядываетесь? – спросила Маргарита Геннадьевна.

– Мама там у вас, как бы хлопот не создать.

– Да вы не волнуйтесь, она сюда не войдет, – попыталась успокоить она Василия Онищенко.

Но он малость нервничал. Не столько тому, что старушка-мама может войти в комнату в самый неподходящий момент и устыдить нежданного гостя за прелюбодеяние, а опасался, что она будет подглядывать в щелочку. Уж больно у старушки глаза какие-то хитрющие. А такое деликатное дело, как интим, в свидетелях и в советах не нуждается.

Выпили за знакомство из высоких фужеров шампанского. Ощутили некоторую искру. Как-то без особых усилий перешли на «ты». И когда, наконец, почувствовали, что из искры возгорелось пламя Василий Степанович, в очередной раз покосившись на дверь в смежную комнату, к которой, по его мнению, старушку должна была припасть оком к замочной скважине, предложил:

– А пошли ко мне?

– Пошли, – чуть подумав, ответила Маргарита.

Они быстренько собрались и ушли, прекрасно понимая, чем все это должно завершиться и в душе желали этого. А Василий Степанович, имея богатое художественное воображение, представлял неизбежное в виде пикантных картинок, каковые можно увидеть в сайтах для взрослых. Маргарита Геннадьевна, судя по чертовщинкам в ее глазах, отнюдь не была против.

В тот же вечер они стали любовниками...

С тех пор Маргарита стала приходить к Василию по субботам. Иногда они куда-то выходили, в кино или не шибко дорогой ресторан, если у Онищенко имелось

на то желание, или у Ступишиной получалось его уговорить. Чаше же они коротали субботний вечер у него дома, а когда все заканчивалось, он отправлял ее на такси домой, никогда не оставляя Маргариту на ночь. Ибо считал это излишним и неким посягательством на его холостяцкую размеренную жизнь. И, как оказалось, правильно делал...

Однажды оба выпили лишнего, и случилось так, что она осталась у него до утра. И когда он проснулся, то был крайне раздражен и сильно недоволен тем, что Маргарита хозяйничает на кухне (она готовила завтрак) и вообще женщина чувствует себя у него так, как если бы уже принесла в его квартиру свою зубную щетку. Завтракать Василий Степанович отказался, – недовольно пробурчал что-то вроде «болит голова» и надолго замолчал. Как ни пыталась Маргарита Геннадьевна его растормошить и даже развеселить, делая всевозможные смешные рожицы, но из этого импровизированного спектакля ничего не вышло. Зритель оставался недоволен.

Когда она, обидевшись, ушла, Василий Степанович почувствовал невероятное облегчение. Настроение заметно возросло, и он с аппетитом съел оставленный на плите завтрак.

Маргарита по дороге домой вдруг вспомнила изречение матери, сказанное несколько лет назад по поводу ее ухажеров.

– Знаешь, что Рита... К твоему берегу все время прибивается если не откровенное дерьмо, так щепки от разбитого корабля, – сказала тогда она и была права. И тогда, и сейчас...

И правда, похоже, что она нарвалась на закоренелого холостяка, не собирающегося что-либо менять ни при каких условиях. Только вот под какое определение матери он подходит. Чем больше любовников, тем больше разочарований.

После случившегося они не перестали встречаться. Просто дни свиданий по инициативе Онищенко были перенесены на воскресенье, для того чтобы скорое наступление рабочего понедельника отбивало у Маргариты всякое желание и возможность остаться у Василия на ночь и исключало это в принципе. И всякий раз, целуя его при прощании в дверях и торопясь уйти, поскольку у подъезда уже ожидало такси, Маргариту почему-то подмывало сказать ему «спасибо». Как

ребенка, которого угостили кусочком шоколадки...

* * *

В нынешнее воскресенье Маргарита Геннадьевна особенно готовилась к предстоящей встрече. Надела модное полупрозрачное белье с кружевами, которое мало того, что превосходно скрывало некоторые изъяны почти сорокалетней женщины, но еще должно было свести Онищенко с ума, возбуждив в нем страстное и необузданное желание. С этой же целью она даже слегка мазнула себе за ушами специально купленными духами "Hugo Boss" с феромонами, опять-таки возбуждающими томное желание и сильную страсть. По крайней мере, Маргарита на это рассчитывала. Умело нанесенный макияж искусно подчеркивал красоту ее лица, взгляд был весел и слегка насмешлив, что мужчины ценят особенно, но слегка побаиваются. Вот и он пусть побаивается и не думает, что он владеет ею безоговорочно и навсегда. Или, по крайней мере, до того момента, пока он желает ею владеть.

О-о, сегодня она предстанет во всей красе и покажет ему все то, на что способна неудовлетворенная женская натура. Пусть знает, каковой может быть любящая женщина. Будет охотно отвечать на все его ласки, и сама станет проявлять инициативу. Возможно, она даже позволит себе показать Онищенко те несколько нечастых в постели любовных приемов, которым некогда научил ее не вовремя почивший в бозе пузатый владелец заводов, газет, пароходов. А когда Онищенко насытится обрушившейся на него любовью и будет пребывать в восторге от сотворенного, она легонько намекнет, что на ее горизонте появился мужчина, оказывающий ей знаки внимания. Хорошо обеспеченный и вполне приличный собою. И что она может не устоять его вниманию и ухаживаниям, если они станут более настойчивыми. А вот если бы она была замужем, то все потуги со стороны хорошо обеспеченного и вполне приличного собою мужчины были бы напрасны. Поскольку женщина она порядочная и верная и никогда не позволит себе не только принять ухаживания, но даже посмотреть в сторону постороннего мужчины при наличии законного мужа...

Вот только одна беда.... На ее горизонте хорошо обеспеченный и вполне приличный собою мужчина, увы, не появлялся. Просто она хотела, чтобы Вася Онищенко, наконец, понял, что может потерять ее навсегда. Таковую, каковой она сегодня предстанет перед ним и от какой (она была в этом абсолютно уверена) он будет пребывать в полнейшем восторге. О чем потом он будет очень сильно сожалеть. Потому что такую, как она, ему больше никогда не найти...

Маргарита позвонила в его дверь трижды.

Сейчас он откроет, и она войдет, гордая, независимая, источая вокруг себя аромат возбуждающих духов и глядя мимо него. Сбросит небрежно шубку ему на руки, затем снимет сапожки и пройдет в комнату если не хозяйкой и властительницей, то уж точно не просительницей и не гостьей.

«Что-то случилось?» – спросит он встревоженно.

«Нет, – ответит Маргарита с легким пожатием плеч и уже насмешливо с тайной во взоре посмотрит в его глаза: – Хотя, как знать...»

Присядет на диван, закинет ногу за ногу и расскажет ему об ухаживаниях хорошо обеспеченного и вполне приличного собою мужчины. С такой, знаете, легкой усмешечкой на губах, с тем чтобы позлить Онищенко и заставить его задуматься. Не без внутреннего торжества посмотрит понаблюдает за ним, как он закрутится эдаким ужиком на сковородке...

Маргарита рассерженно позвонила еще раз и еще. За дверью было тишина, будто в квартире никого не было. Она прислонила ухо к двери: уйти он никуда не мог, некуда ему идти. Спит он, что ли?

Недовольство вмиг переросло в дремучую ненависть. Значит, он ее не ждет, а она то вырядилась! Старалась. Роль свою репетировала. Куда же годиться такое?! Получается, что ему все равно, придет она или нет?!

Маргарита Геннадьевна принялась непрерывно названивать, но никто не открывал. Несколько минут она бездумно простояла у двери, хотя со стороны могло показаться, что она о чем-то напряженно думает. Затем, злобно ощерившись, Маргарита развернулась, ударила что есть силы пяткой сапога по двери и стала спускаться по лестнице, предвкушая, какую разборку она устроит Онищенко, когда тот объявится.

А Василий Степанович мирно лежал на кухне среди расколотой посуды и выразительно смотрел невидящими глазами в скверно побеленный потолок, и уже не боялся предстоящих разборок, и вряд ли о чем-то думал вообще. Одутловатость его круглого лица спала, а аккуратная черная родинка на правой

щеке вкупе с широко раскрытыми глазами и тонкими губами делали его лицо весьма интеллигентным и привлекательным.

Глава 5. Покойники обычно пахнут

Первым учуяла нехороший запах из квартиры соседа Надежда Карповна Фролова, пенсионерка со стажем и старшина по подъезду, если бы таковая должность существовала. А если по-простому, – неформальный лидер подъезда. Потянула бы она и на пост старшей по дому, однако принять его Надежде Карповне никто не предлагал, поэтому таковую должность исполняла какая-то невзрачная женщина из бывших работниц районного исполкома, которую мало кто знал. Надежду же Карповну, как говорится, знала каждая дворовая собака... Несмотря на ветхий возраст, скверный слух и близорукость, Надежда Карповна имела отменное обоняние и могла по запаху отличить натуральный сыр от поддельного.

– Настоящий сыр, – говорила она, – запах имеет сладковатый и пряный да с кислинкой, что не сразу учуешь. А от фальшивого сыра дух идет прогорклый и сальный... Вот скажем пармезан, – загадочно говорила старушка, мгновенно заинтриговав слушателей, – пахнет сладковато, но с какой-то горчинкой, а вкус у него пряный.

У всех слушателей невольно появлялось убеждение, что каждое утро она начинает с ломтика пармезана. В действительности итальянский сыр ей удалось попробовать в далеком девичестве, когда за ней ухаживал моряк с торгового судна, угостивший ее однажды заморским сыром.

Во вторник утром Надежда Карповна вышла из своей квартиры, и ей показалось, что из квартиры Онищенко пахнет газом. Пенсионерка потянула носом воздух, немного постояла, подумала и решила: нет, не газом. Пахнет помойным ведром, которое давно не выносили. Она еще удивилась такому обстоятельству, поскольку считала соседа человеком аккуратным и чистоплотным, что, по сути, и являлось на самом деле.

В среду Надежда Карповна снова обратила внимание на неприятный запах, исходивший на лестничную площадку из квартиры соседа. Сейчас он заметно усилился. Попахивало тошнотворно-сладковато с примесью какой-то тухлятины,

то ли давнишними помоями, что забыли вынести, и они стали цвести и пахнуть, то ли рыбой, оставленной в мусорном ведре.

Василий Онищенко не был еще старым и немощным человеком, не болел тяжелой болезнью, не пил напропалую горькую и не водил к себе сомнительных дружков, что рано или поздно могло бы закончиться бедою. Так что оснований думать, что с ним что-то приключилось, и он лежит в своей квартире бездыханный, у Надежды Карповны отнюдь не появилось. Правда, она позвонила в его квартиру, так, на всякий случай, и когда ей никто не открыл, подумала, что сосед либо на работе, либо куда-нибудь срочно уехал. Однако, когда в четверг запах еще более усилился и стал проникать в соседние квартиры, остальные жильцы на площадке, а вместе с ними и Надежда Карповна, забили тревогу, заподозрив самое худшее.

Был вызван участковый.

Полицейский пришел. Выглядел заметно недовольным. Они почему-то всегда по большей части времени чем-то недовольны, эти участковые. Походил около двери Онищенко. Брезгливо принялся и согласился, что запах наличествует.

– Кто и когда последний раз видел этого Онищенко? – спросил он, оглядывая собравшихся на лестничной площадке жильцов.

– В субботу, кажись, – отозвался кто-то из них. – Или, может, в пятницу...

– Точно, в пятницу, – подтвердила Надежда Карповна.

– А в воскресенье он то ли что-то чинил, то ли ломал, – произнес сосед Онищенко, что жил снизу. – Я слышал. Стучал все чего-то.

– Я тоже что-то такое слышала, – подтвердила пенсионерка Надежда Карповна. – Шумно было у него... Обычно тихий, а тут чего-то расшумелся.

– То есть, в выходные и на этой неделе его никто из вас живьем не видел, – скорее констатировал, нежели спросил старший лейтенант полиции, глядя главным образом на пенсионерку Фролову, распознав в ней человека ответственного.

– Не, никто, – уверенно отозвался на слова участкового сосед Онищенко, что жил снизу.

– Неужто помер сосед? – испуганно промолвила Надежда Карповна и покосилась на входную дверь квартиры Василия Степановича.

– Коли так, то к завтраму весь подъезд провоняет, и надолго, – тоном знатока, встречавшегося с подобными ситуациями не впервые, изрек сосед Онищенко, что жил снизу. И повернулся к участковому: – Надо что-то делать, старлей.

Участковый озабоченно кивнул и, никому не сказавшись, удалился, громко стуча казенными каблуками по бетонным ступеням. Вернулся он с пожилым полицейским сержантом и угрюмым мужиком в теплой робе с белыми светоотражающими полосками на куртке и штанах. В руках у него был черный пластиковый чемоданчик. Когда он открыл его, в чемоданчике оказался аккуратно сложенный по кармашкам слесарный инструмент. Мужик в робе с полосками немного повозился с замком, потом отжал монтировкой полотно двери, велел сержанту «так подержать» и стукнул по замку двери молотком два раза. В замке что-то металлически хрустнуло, не иначе, как сломавшись, дверь приоткрылась, и из образовавшегося проема пулей вылетела серая комнатная муха. Сделав над лестничной площадкой круг, муха спикировала на Надежду Карповну и, едва не чиркнув крылышками по ее лбу (пенсионерка в самый последний момент успела увидеть муху и отпрянуть), улетела в одном ей известном направлении. Угрюмый мужик в теплой робе с полосками открыл дверь пошире, и все, кто был на площадке, машинально зажали носы, – из квартиры так пахло мертвяцким духом, что только держись.

– Неужто, и правда, помер? – испуганно промолвила Надежда Карповна, посмотрев на участкового. Хотя ни у кого сомнений более не оставалось.

– Щас поглядим, – нарочито бодро произнес старший лейтенант и смело шагнул в прихожую квартиры, прикрывая рукавом нос. Следом за ним прошел пожилой полицейский и вездесущая Надежда Карповна. Остальные жильцы, что стояли на лестничной площадке, в квартиру зайти не решились: трупный запах так бил в носоглотку, что начинали слезиться глаза...

Картина, что открылась их взорам, была следующей.

Виктор Степанович возлежал на кухне между холодильником и газовой плитой и смотрел куда-то вбок остановившимся взглядом. На кухне был полный разгром, каковой остается после того, как в посудной лавке побывает рассерженный слон. Беспорядок наблюдался в комнате и даже в ванной, где на множество острых кусков было разбито настенное зеркало. Все навевало на мысль о том, что в квартире велась нешуточная борьба. Похоже, что не на жизнь, а на смерть. И тот, с кем боролся покойный Василий Онищенко, по всему видать, вышел победителем...

– На несчастный случай непохоже, – осторожно изрек пожилой полицейский, начавший службу еще, верно, при Андропове или Черненко. – Вон что покойник с тем, кто его навек приголубил, в квартире-то понаделали...

– Вижу, – отозвался участковый. И добавил, скорее, для себя: – Надо сообщить в отдел...

Глава 6. Зловредная муха

Муха, вылетевшая из квартиры Онищенко и едва не впечатавшаяся в лоб пенсионерке Надежде Карповне Фроловой, была самой что ни на есть обычной серой комнатной мухой. А если быть точнее: вид короткоусых двукрылых из семейства настоящие мухи. Родилась она из крохотного белого яйца продолговатой формы длиною в миллиметр, – хрен такое заметишь! Особенно если муха-мама отложила яйца в мусорном баке между обгрызенными корками арбуза и рыбьими кишками, излучающими амбре метров на двадцать, а по ветру, так и вовсе на все пятьдесят!

Через день с небольшим яйцо лопнуло, и на слизь от гнилой арбузной корки выползла почти прозрачная белая личинка без головы и ног. Ничего не видя, не слыша и почти не чувствуя, личинка серой комнатной мухи с первой же минуты своего появления на свет начала жрать, ибо неимение головы отнюдь не обуславливало отсутствие ротового отверстия, ведущего в глотку.

Потреблялась пища – все, что не имело твердости камня – при помощи ротовых крючков. Они наподобие лопастей снегоуборочной машины загребали соскобленную пищу аккуратно в отверстие рта. Если личинка, двигаясь при помощи тех же ротовых крючков, упирающихся в различные предметы и тем

самым получая движение выползала на свет, то мгновенно спешила убраться куда-нибудь поглубже, но не слишком, ибо помимо пищи будущая комнатная муха нуждалась в свободном притоке кислорода.

Через день личинка полиняла, потолстела и перестала быть почти прозрачной.

Через три дня она снова полиняла, заметно удлинилась и сменила белый окрас на желтовато-бурый, оставаясь при этом, как и ранее, безголовой и обездвиженной.

Через пять дней личинка будущей серой комнатной мухи сделалась короче и толще и стала походить на миниатюрный бочонок, что использовались в стародавние советские времена в домашней игре «лото». Затем она отказалась от приема пищи, что сделать было, наверное, непросто. После выбрала место потеплее и посуше, чему не помешала ее безголовость, полиняла в третий раз и, не сбрасывая шкурку, окуклилась. То есть закрылась ото всех кукольным чехлом и впала в реструктуризационный анабиоз, когда безголовый и безногий червячок превращается в новый вид взрослого животного под названием комнатная муха.

Поскольку температура, в которой пребывала куколка, была по осеннему времени не высокой, то чтобы окончательно созреть до состояния мухи, вместо пяти дней куколке понадобилось восемь. Зато в начале девятого дня из треснувшего кукольного чехла на свет Божий выползло бледное, с крыльями, похожими на использованную салфетку, членистоногое, трахейнодышащее насекомое из отряда двукрылых. Так говорят ученые мужи. Те, кто без претензий говорят попроще: комнатная муха.

Была она пока что не серого цвета и имела скукоженное брюшко и пузырь на лбу, который мог выпячиваться и втягиваться, чтобы муха могла двигаться, к примеру, в земле. Этого мухе, которая через несколько недель вылетит из квартиры Василия Степановича Онищенко, не понадобилось. Выбравшись из кукольного чехла, муха первым делом выпрямила ножки и стала бегать по стенке жестяного мусорного бака, натурально скользя по ней своими лапками с присосками. Так она бегала, пока у нее не растянулось до нормальных размеров брюшко и не расправились крылья. Ее бледный цвет превратился в серый. На голове в местах, не занятых двумя огромными и тремя вспомогательными глазами, на груди и брюшке явственно обозначились многочисленные волоски, выполняющие роль носа и ушей (если исходить из человеческих мерок). Что касается мушиных глаз, то тут человеку оставалось

лишь позавидовать. Два больших красновато-коричневых глаза располагались по бокам головы и могли смотреть во всех направлениях одновременно, по-своему различая цвета, оттенки и даже ультрафиолет и контролируя обстановку вокруг себя и вообще в обозримом пространстве. Еще три маленьких глазка, расположенные на мушином лбу между двумя большими, наблюдали за окружающей средой в непосредственной близости, – попробуй напади на такую глазастую внезапно с какой-либо стороны. Помимо пяти глаз, на голове мухи имелись усики-антенны, совсем небольшие, и в нижней части – рот в виде хоботка, посредством которого она подкрепилась мякотью гнилого яблока. Затем задними лапками распрямила крылья и впервые взлетела...

Это было удивительно! То, что она почувствовала, объяснить было невозможно. Да она и не пыталась. Даже не задумывалась об этом. Муха вообще ни о чем не думала, поскольку полностью полагалась на инстинкт. Так уж она была устроена. И правильно: думая, можно запросто ошибиться и попасть в беду. Повинуясь инстинкту, ошибиться практически нельзя...

А лететь, и правда, было здорово. И муха наслаждалась полетом и тем, что она может это делать. О-о, это была уже не та полупрозрачная личинка без головы и ножек, которая если чего и могла, так только жрать и медленно ползать между гниющих продуктов. Это было полноценное животное с головой, глазами, ногами и, главное, крыльями.

Два крыла серой мухи были прозрачные и перепончатые. Жилки, что пронизывали крылья, делали их жесткими и прочными. Уже в полете муха поняла, что может пользоваться как обоими крыльями, так и только одним, если имеется в том необходимость. Например, при совершении резкого маневра и изменения траектории движения.

Была еще одна пара крыльев, скорее, придаточных, поскольку в полете они лишь поддерживали равновесие и позволяли мухе зависать в воздухе, как вертолет. Ну разве можно было сравнить ее теперешнее состояние с состоянием какой-то там личинки!

Полетав, муха вернулась в бак, полазила между каким-то вонючим тряпьем и пакетами с мусором и решила, что пора менять место дислокации на более теплое. Это подсказал инстинкт. Еще он подсказал, что надо быть ближе к человеку. Ведь там, где он, там есть тепло и пища. А что еще нужно серой комнатной мухе для полного счастья?

Вертикально взлетев, муха вылетела из бака и полетела к одному из обшарпанных двухэтажных домов с отвалившейся по углам штукатуркой. Улучшив момент, когда откроется подъездная дверь, муха влетела внутрь дома и, немного полетав, уселась на подоконник. Из разбитого окна в подъезде тянуло прохладой, и на миг муха пожалела, что покинула свою колыбель – мусорный бак, где всегда можно было найти пищу и кров. Но длилось это сожаление лишь мгновение, – помнить о том, что было, муха долго пока не могла...

Когда открылась входная дверь квартиры на первом этаже, муха была тут как тут. Юркнув между головою выходящего из квартиры человека и полотном двери, муха влетела в прихожую и свернула на кухню, учуяв приятный запах. Когда захлопнулась входная дверь, насекомое уже сидело на разделочном столе, тыкая хоботком в хлебную крошку, которую разжижала собственной слюной. Подкрепившись, муха решила облететь новые владения. Что это владения теперь ее, она ничуть не сомневалась. Поскольку чувство сомнения было ей незнакомо. Ибо там, где была она, и был ее дом. И это решала она сама. Вернее, не то, чтобы решала: это ей подсказывал инстинкт. И муха всегда знала, где она собирается жить...

Новое жилище она облетела за несколько минут. Две комнаты, кухня, небольшая прихожая, мебель, окна... В ванную она влетела, натурально протиснувшись в небольшую щель, оставленную между дверным полотном и рамой. Свет в ванную падал только через эту щель, поэтому здесь было темновато, и серая комнатная муха несколько раз ткнулась в стену, выложенную кафельной плиткой, и ванное зеркало, – в сумраке, а тем более в темноте муха видела и ориентировалась весьма неважно. Туалетная дверь была закрыта, поэтому знакомство с сортиром муха оставила на потом: когда появится таковая возможность.

Потом облетела комнаты и кухню еще раз, и еще. Ведь свои владения надлежало хорошо знать. А главное – найти и осмотреть разные укромные местечки, где при случае или на ночь можно спокойно укрыться, не подвергая себя опасности.

В комнате, где стояла тахта, на спинке стула висела зеленая футболка. От нее притягательно пахло. Муха осторожно села на сидение стула, потом поднялась по боковой стойке спинки и села на футболку. Запах стал еще притягательнее.

Муха прошла по футболке до места, где начинались рукава и увидела пятно пота. Недолго думая, впрочем, не думая вовсе, но повинувшись инстинкту, муха прыгнула в центр пятна и впилась своим хоботком в самое влажное место. Если бы другая муха или кто-то, разбирающийся в настроениях и эмоциях летающих насекомых, посмотрели в этот момент на серое комнатное членистоногое со стороны, то заметили бы, что муха всасывает человеческий пот с футболки с явным удовольствием. Пососав в одном месте, она переставила хоботок на другое место рядом, потом на третье. И правда, если бы вкушать человеческий пот было мухе неприятно и обременительно, она вряд ли бы, откушав пота в одном месте, принялась бы вкушать его в другом... Можно даже казать, что она слегка охмелела.

Насытившись, муха взлетела с футболки почти вертикально и перелетела на диван. Здесь она на какое-то время затихла, верно, отдыхая и переваривая – если можно так сказать – выделения потовых желез человека. Однако время для мух течет намного быстрее, нежели для крупного животного, к примеру, человека. Посему уже через четверть часа, оставив на обивке дивана темные точки своих экскрементов, серая комнатная муха взлетела с дивана и взяла направление на кухню. Там насекомое по-хозяйски походило по обеденному столу, полазила по кухонному шкафу, потом опустилась на пол и нашла на нем крупинку сахарного песка. Пососала ее, предварительно смочив слюной, и как настоящая чистюля принялась чистить лапки и крылья. Закончив свой туалет, двукрылое насекомое опустилась на подоконник и стало лазить по оконному стеклу и созерцать окрестность, используя для этого крохотные присоски на кончиках лапок и глядя на улицу. Разумеется, она вовсе не желала очутиться на улице и отнюдь не искала выхода на нее. Просто у окна было светлее, ведь день клонился к закату, но так не хотелось расставаться с солнечным светом.

Когда почти стемнело, в квартиру пришли люди. Мужчина и женщина, уже немолодые. Муха в это время мирно дремала в комнате под прохладным подоконником недалеко от чугунной батареи под куском обоев, отставших от стены. Свет потревожил ее. Членистоногое вылезло из своего удобного укрытия и стала наблюдать за людьми. А они тем временем прошли на кухню, после чего из нее стали доноситься возбуждающие аппетит запахи. Привлекаемая ими, муха вылезла из своего укрытия, почистилась, как того требовали элементарные приличия, пригладила слегка примятые крылышки и, стремительно взмыв кверху, полетела на кухню. Там она села на потолке, если можно так сказать, и принялась опять наблюдать за людьми. У нее хватило терпения просидеть на потолке в течение всей их трапезы. А когда они, попив после ужина чайку, вышли из кухни, поставив посуду в раковину и залив ее водой, муха опустилась

на стол и залезла хоботком в капельку варенья, что упала незамеченной на стол с ложки пожилого мужчины.

О-о, это было настоящее лакомство. Истинное и несказанное блаженство, по-другому и не скажешь. У мухи даже закружилась голова, и какое-то время она сидела совсем неподвижно, настраивая фокус своих фасеточных глаз, состоящих из сотен крохотных кристалликов. Наконец, когда фокус был благополучно отлажен, и предметы сделались ясно различимыми, муха довольно тяжело поднялась в воздух, сделав небольшой разбег, и полетела из кухни в комнату.

Люди в комнате смотрели телевизор. Муха забилась под отставший обойный клочок под подоконником, воспринимая его как собственный «угол», какое-то время шевелилась, вероятно, пытаясь отыскать наиболее удобное положение, и вскоре затихла. Так прошел первый день на новом месте...

На следующий день как только в комнате стало светло, серая комнатная муха вылезла из своего убежища и первым делом полетела на кухню в надежде найти что-нибудь съестное. Людей в квартире уже не было. Они, очевидно, торопились на работу, поэтому не вымыли за собой посуду после завтрака, а просто сложили ее в раковину. Еды должно быть много, осталось только выбрать, что повкуснее. Муха подлетела к остаткам пищи и села на краешек тарелки. Потыкав в него хоботком и не обнаружив ничего съедобного, спустилась ниже, не обратив внимания на медленно растущую каплю воды, свисающую из носика водопроводного крана. Снова потыкав хоботком в пустую тарелку, муха спустилась еще ниже и наступила лапками на остатки еды. Почувствовав, что теперь есть чем полакомиться, муха запустила хоботок в сладкий соус. Увлечшись процессом всасывания пищи, муха не заметила момента, когда от носика водопроводного крана оторвалась большая капля воды и стала падать прямо на нее. Мгновение, и капля накроет муху и намочит ей крылышки, после чего серая комнатная муха не сможет некоторое время взлететь, потеряв тем самым более половины своих возможностей благополучно избегать опасностей. Возможно, капля просто снесет муху в лужицу на дне тарелки, и насекомое станет еще беспомощнее и незащищенной.

Муха среагировала на каплю в самый последний момент, заметив нечто опасное надвигающееся на нее сверху. Для человеческого глаза такие мгновения, заключенные в сотые доли секунды, практически незаметны. Для серой комнатной мухи – в порядке вещей... Отлетев на порядочное расстояние от

раковины, насекомое какое-то время чистила лапки и крылышки, поглядывая на водопроводный кран. Затем, что-то для себя решив (так могло показаться со стороны), она снова подлетела к раковине, села на тарелку и принялась за прежнее, то бишь выискивать хоботком остатки пищи. На падающие из крана капли реагировала просто: отходила в сторону, когда отрывалась капля, дожидалась ее паления и снова возвращалась на прежнее место. Такое поведение можно было бы назвать разумом, но у членистоногих он отсутствует. Таким приемам ее тоже никто не учил, это было заложено в ней, как инстинкт питаться или воспроизводить себе подобных.

Насытившись, серая комнатная муха какое-то время сидела на оконной раме, поглядывая на улицу, где ветер срывал с деревьев пожухлую листву, а с неба сеяло мелким колким дождиком. Затем принялась за детальное обследование кухни с тем, чтобы узнать где что лежит. Увы, дверцы навесного шкафчика были закрыты, как и двери кухонного шкафа, однако он был на ножках, и его дно не лежало, но висело над полом. В этот промежуток и проникла муха. Дойдя до кухонной стены, она обнаружила, что с тылу у кухонного шкафа нет стенки. Какое-то время муха дефилировала по стенному плинтусу, пока не обнаружила мусорное ведро, стоящее под раковиной. Она заглянула в него, но ничего путного не обнаружила, кроме двух огрызков яблок слегка подсохших, один из которых серая комнатная муха не преминула попробовать. Остатки мякоти яблока оказались вполне приемлемыми, чтобы воткнуть в них хоботок и пососать без размягчающего воздействия слюны.

Все последующие дни, кроме вечера пятницы, были похожи на первые два дня пребывания на новом месте.

В среду серая комнатная муха заприметила, наконец, где стоит в вазочке сведшее ее с ума варенье, попробовав которое, она едва не упала в обморок. Заодно узнала, где находится двухлитровая банка с медом. В четверг выведала, где лежат хлеб, печенье и прочие продукты. Удивительное дело: она запомнила все эти места, а ведь раньше она не могла помнить, где она была и что с ней было всего-то десять секунд назад. Запомнила она и нахождение мусорного ведра, поскольку не единожды наведывалась к нему с ревизией, не появилось ли в нем что-нибудь мягкое и вкусненькое. Словом, муха обжилась вполне и чувствовала себя, как дома. Впрочем, это и был ее дом.

Вечером в пятницу к мужчине и женщине пришли еще двое. Это тоже были мужчина и женщина, только моложе. Они привели с собой мальчика лет трех-

четырех, очевидно, собственного сына и внука первой (пожилой) пары. Побыв часик, вторая пара ушла, оставив мальчика на попечение первой.

Собственно, серой комнатной мухе на все эти человеческие перемещения и телодвижения, не заключающие в себе угрозу для нее, было высоко до лампочки. Если бы не одно обстоятельство. Складывалось так, что мужчина и женщина все эти дни муху не видели в упор. Просто не замечали. А маленький мальчик ее сразу заприметил и очень заинтересовался. Один раз они даже пристально и вплотную посмотрели друг на друга, после чего муха спокойно развернулась и безмятежно улетела в другую комнату, уяснив, что мальчик никакой угрозы для нее не представляет. Все же, на всякий случай, повинуясь инстинкту, муха спряталась за ножку стола, когда мальчик пошел на ней. Не отыскав ее, мальчик вернулся к деду с бабкой немного расстроенным.

Субботу они провели вчетвером: мужчина, женщина, мальчик и муха.

После завтрака первые трое пошли на улицу прогулять ребенка и подышать свежим воздухом. Муха же в это время наслаждалась одиночеством, к которому, увы, была склонна, как и многие ее сородичи. Не птицы же мухи, чтобы жить и летать стаями. Каждая из них ярко выраженный индивидуалист. Первым делом серая комнатная муха облетела свои владения, осматривая и запоминая, где что стоит, поскольку уже многое могла запоминать. Затем залезла в мусорное ведро с целью обследования его содержимого и полакомилась соком размякших картофельных очисток, хотя лакомством это было назвать проблематично. Затем она поднялась по кухонной стене к потолку и слетела на разделочный стол. В самом его углу около стены стояла хлебница. Муха знала, что там хранится свежий хлеб, и что если его размочить слюною, то он делается очень приятной и сытной едой. Между донышком и крышкой хлебницы имелась щель, поскольку крышка была неплотно закрыта, и муха проникла через эту щель в хлебную кладовую. В ней было темновато, но все же мухе удалось разглядеть несколько хлебных крошек, находящихся возле боковой стенки хлебницы. Муха приблизилась к одной из крошек, прислонила к ней хоботок и выпустила из него слюну. Затем, немного выждав, она принялась всасывать размягченный хлеб, который попадал в ее зоб и дальше уже шел в кишки переваренным. "Поработав" с одной крошкой она принялась за другую и через какое-то время вышла из хлебницы вполне сытой.

Скоро вернулись с прогулки люди. Муха понаблюдала, как они раздеваются, будто линяют, и возможно, ее растревожили неясные воспоминания о

собственной троекратной линьке. Хотя вряд ли она могла что-либо помнить о своем гусеничном состоянии.

Потом двое больших людей стали кормить одного маленького. Это было более интересное зрелище, поскольку он еще неловко справлялся с ложкой, и много пищи попросту падало на стол и на пол. Со стола капли и крошки сразу подтирала женщина, поэтому для серой комнатной мухи интерес представляло то, что падало на пол. Однако она не спешила тотчас воспользоваться пищей, что упала на пол. Может, она не хотела быть замеченной и раньше времени выдать свое присутствие. А может, она проявляла терпение, свойственное умудренному жизненным опытом животному. По человеческим меркам серая комнатная муха вступала в пору зрелости.

После прогулки и обеда маленькому человеку полагался сон. Покуда женщина укладывала его, а мужчина, стараясь не шуметь, тихо сидел в соседней комнате, муха отобедала тем, что лежало на полу и, насытившись, отправилась в свое убежище за клочком обоев. Там было тепло и сухо. А сумрак располагал к покою...

Воскресенье было похоже на субботу: пожилая пара занималась внуком и по-прежнему не замечала, что рядом с ними на таких же правах проживает небольшая серая муха.

Вечером снова пришла вторая пара людей, что были моложе первой. Час они посидели с пожилыми людьми, а потом ушли, забрав с собой мальчика. А ведь муха уже стала к нему привыкать и даже с его уходом ощутила нечто похожее на грусть.

Следующая неделя во многом была похожа на первую, не считая непонятного томления. Все вроде бы было благополучно и уже привычно: в мусорном ведре огрызки яблок, что было не только вкусно и питательно, но и полезно; в хлебнице – сытные крошки; в кухонной раковине на дне сложенной посуды имелось все, что душеньке угодно: от борща и жареной картошки до котлет, рисовой каши с подливом и селедочки под лучком. Впрочем, лучок был без надобности, уж слишком резким запахом он обладал. Однажды в один из вечеров мухе даже удалось добраться до той заветной вазочки с вареньем, что стояла в настенном шкафу, и так наесться, что из-за тяжести в члениках пришлось остаться ночевать в уголке на полке, застеленной клеенкой. К тому же муху закрыли в шкафчике. Утром, воспользовавшись моментом, когда

женщина открыла дверцу шкафчика, муха не вылетела, а неторопливо вышла. Скользнула по полке и зависла вниз головой, дожидаясь, когда хозяйка выйдет из кухни. После чего принялась завтракать вкусно и обильно, благо в этой семье, похоже, было заведено правило мыть посуду не сразу после еды, а когда дойдут руки. Так что чем было вызвано неясное томление, когда все вроде бы было ладно, оставалось непонятным. Впрочем, долго о чем-то думать муха не могла. Да и недолго тоже...

Жизнь как-то вошла в свою колею. Вечер новой пятницы повторил вечер предыдущей: молодая пара вновь привела мальчишку на побывку к паре пожилой, немного посидела и удалилась. Муха в это время была в спальне, – самом необжитом ею месте в квартире. Она расположилась прямо на кровати и, кажется, малость задремала, когда двери спальни открылись, зажегся свет, и в комнате появились дед с внуком.

– Муха! – торжественно воскликнул мальчишка и указал пальцем на серое комнатное членистоногое.

– И правда что, – проследил пожилой мужчина за пальчиком внука. – Откуда она здесь взялась? Из подъезда, наверное, прилетела... Откуда же еще. Сейчас мы ее!

Старик взял с тумбочки газету «Известия», сильно пахнущую типографской краской, скрутил ее в упругий рулончик и неожиданно ударил по мухе, выжидающе присевшей и приготовившейся к возможным неприятностям. Муха оттолкнулась ногами в противоположную удару сторону, после чего вертикально взмыла вверх.

– Вон она! – вскричал мальчик и опять указал пальчиком на муху.

– Где? – спросил пожилой мужчина и стал подслеповато всматриваться в пространство под потолком. Последние два года с глазами было неважно, поэтому никакой мухи он не обнаружил, как не всматривался.

– Да вон она, – указал на летящую муху мальчишка.

Тем временем муха вылетела из спальни и, пролетев гостиную, очутилась в прихожей.

– Сейчас мы ее, никуда она от нас не денется... – пробормотал мужчина и закрыл дверь в комнату. Муха оказалась запертой в небольшой прихожей, где спрятаться практически было негде. Разве что залезть в какой-нибудь рукав пальто или куртки. Но, во-первых, муха об этом как-то не сообразила. Во-вторых, это могло быть как спасением, так и ловушкой для самой себя. А ну как мужчина или, скорее всего, мальчик, заметили бы это? Тогда ее просто заперли бы в этом рукаве, где было темно, и она потеряла бы девяносто процентов возможности как-то сопротивляться. Если не все сто. В конце концов, ее запросто могли просто раздавить. Прямо в этом рукаве...

– Сейча-а-ас, – угрожающе протянул мужчина и стал безуспешно гоняться за мухой. Скоро он упарился и на восклицания внука: «Вон она, вон она» уже перестал обращать внимание. Передохнув, он еще пару раз неудачно попытался прибить свернутой газетой насекомое, после чего, немного подумав, открыл входную дверь и несколькими взмахами рукой с зажатой в ней газетой выгнал муху на лестничную площадку. После чего захлопнул дверь.

Это была большая ошибка: позволить выгнать себя из квартиры. И непозволительная глупость для столь зрелого животного, каковым к настоящему времени являлась серая комнатная муха. Полетав немного по лестничной площадке в ожидании, что кто-нибудь откроет входную дверь, и она скользнет в теплую квартиру и забьется в такое место, где ее невозможно будет отыскать, насекомое, наверное, поняла, что так она может летать до морковкиного заговенья. В смысле до скончания ее века. К тому же сильный сквозняк усиливал неприятное ощущение холода и приближал это самое скончание. Обессиленная, поскольку на холоде жизненные силы катастрофически таяли, серая комнатная муха почти плюхнулась на подоконник подъездного окна близ вонючей консервной банки с сигаретными окурками. Обдаваемая ледяным ветром из разбитого окна, муха поползла к краю подоконника, прилагая к этому невероятные усилия. Обогнув край подоконника, она заползла под него, нашла в стене щель и втиснулась в нее, растратив для этого последние силы. После чего замерла, возможно, вспоминая мусорное ведро с огрызками яблок; хлебницу с приоткрытой на размер пальца крышкой и вазочку с вареньем, в которое, верно, ей уже никогда не сунуть свой хоботок... И прошлая жизнь показалась ей настоящим эдемом для насекомых.

Ее глаза еще видели какие-то тени, но через несколько минут перестали что-либо различать. И наступила ночь.

* * *

– Все что ли? – нетерпеливо спросил чернявый мужик и расстегнул на себе теплую куртку с ветрозащитным и водонепроницаемым покрытием. – Прямо Ташкент тут сделался. У меня в квартире и то холодней...

В начале декабря в подъезде сменили тяжелые чугунные батареи отопления, которые ни хрена не грели уже лет десять, на алюминиевые секционные, и в подъезде стало вполне сносно. Даже тепло. А то бывало, открывая двери в квартиру, прихожие прямо вымораживало холодным воздухом, будто двери квартир вели не на лестничную площадку, а напрямик на улицу. Сегодня же, в субботу четырнадцатого декабря, раненько поутру пришли двое стекольщиков и поменяли все разбитые стекла в подъезде на целехонькие, для того чтобы тепло в подъезде не выходило на улицу. И на лестничных площадках сделалось, и правда, очень тепло. Даже жарко.

Честно говоря, стекольщики должны были прийти вчера, но один из них был крайне суеверен и, остерегаясь неприятностей и бед, которые мог принести такой день, просто не пожелал выходить из дома. Он всегда так делал, когда пятница выпадала на тринадцатое число, и добросовестно отработывал пропущенную смену в субботу. А его напарник был ему другом и во всем и всегда его поддерживал. Поэтому работу, которую стекольщики должны были сделать вчера, они выполнили в субботу.

– Щас, – ответил чернявому лысоватый мужик и вогнал последний гвоздь в последний деревянный штапик. – Теперь все...

Мужики собрали инструмент и ушли.

То, что в подъезде после замены батарей и окон стало очень тепло, привело к следующим последствиям. Серая комнатная муха, которая думала, что ее жизненный путь закончен и даже была уверена в этом, шевельнула сначала одной лапкой, потом дрыгнула другой, затем быстро засучила ногами, стряхивая с себя дрему, перевернулась и выползла на подоконник, едва не сорвавшись на бетонный пол подъезда. Здесь муха начала тщательно прихорашиваться, разглаживать крылья, снова чиститься и умываться, на что ушло минут пятнадцать, не меньше. После завершения гигиенических процедур, муха взлетела, проверяя свои летные навыки, и убедившись, что с ними все в

порядке, села в уголке на подоконник и затаилась.

Так она просидела часа полтора. Затем одна из дверей на верхней лестничной площадке отворилась, потом прозвучал металлический хлопок, каковой происходит, когда входная дверь закрывается, и слышались шаркающие шаги. Прошло не менее полутора минут, когда на площадку лестничного проема у окна меж двумя этажами спустилась суховатая старушка. Она, верно, была девочкой дошкольного возраста, когда в одна тысяча девятьсот девятнадцатом году банда зеленых под предводительством бывшего князя Трубецкого напала на город Сестринск. Тогда, убив городского председателя совета народных депутатов, банда захватила Сестринск и два часа удерживала его в своих руках, покуда не была выбита из города отрядами Двенадцатого Московского стрелкового полка. Когда современница перипетий Гражданской войны поравнялась с подоконником и подошла к лестнице, ведущей на первый этаж, муха выползла из своего угла и, взлетев, села сначала на согбенную спину старушенции, а затем скользнула в оттопыренный карман клетчатого пальто-кокона, бывшего модным в начале пятидесятих годов прошлого столетия. Еще полторы минуты понадобилось старушке, чтобы спуститься по ступеням на первый этаж и выйти из подъездной двери на улицу...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Штыб – мелкий (измельченный) каменный уголь.

2

Шлакование – процесс налипания расплавленной золы на трубы и защитные и теплоизоляционные покрытия котла во многом вследствие неравномерного помола угля.

3

Ширмач-урка – карманник-гастролер (жарг.).

4

Блатной – входящий в преступный мир (жарг.).

5

Один, два, три (нем.).

6

"Конец венчает дело" (лат.).

7

"Молодка" – при игре в "буру" это три карты одной не козырной масти.

Купить: https://tellnovel.com/ru/suhov_evgeniy/dvoe-iz-proshlogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)